

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ТРУДАХ АНАТОЛИЯ ФЕДОРОВИЧА КОНИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-1-10-18>

Предметом настоящего исследования является эволюция уголовно-процессуальных взглядов выдающегося российского юриста Анатолия Федоровича Кони. Опираясь на демократические и этические принципы, прокурор добивался положительной модернизации законодательства с учетом результатов применения Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Многие его предложения, вносившие мелкие изменения в Устав, принимались и становились законом. Так продолжалось до конца XIX в., когда Кони столкнулся с попыткой ликвидировать достижения судебной реформы 1864 г. Горячо протестуя против государственной политики, Анатолий Федорович оказался в одиночестве, был лишен обер-прокурорской должности, а затем удален из Уголовно-кассационного департамента Сената. Становление Кони – ученого-процессуалиста и законодателя завершилось в 1890-х гг. во время работы комиссий, предполагавших радикальное переустройство судебной системы и судопроизводства империи. Целью предпринятого нами исследования стало выяснение причин, условий и обстоятельств, способствовавших эволюции молодого прокурора-судьи и приведших к появлению крупного специалиста в области уголовного судопроизводства Империи. Из практического работника второй четверти XIX в. вырос ученый-теоретик, потенциал которого раскрылся в начале XX в. С учетом большого влияния идей Кони на современных российских юристов, его предложения сохраняют актуальность и в наше время. В настоящей работе мы рассматриваем неизвестные и неопубликованные работы Анатолия Федоровича в сфере уголовного судопроизводства Империи во второй четверти XIX в. Мы стремимся определить последовательность формирования знаменитого юриста, прошедшего путь от практика-процессуалиста до теоретика права. Кроме того, мы ставим цель определить степень влияния Кони на изменение уголовно-процессуального законодательства Империи в конце XIX в. При подготовке работы использовались исторический метод (явление рассматривалось в развитии) и системный подход. В ходе нашего исследования в оборот впервые вводятся неизвестные работы Кони (рапорты министру юстиции, стенограммы работ комиссий, особые мнения, поданные Кони и пр.). На этом эмпирическом материале основана новизна работы. Впервые прослеживается эволюция взглядов юриста на процесс во второй половине XIX в. Основные результаты работы состоят в систематизации идей А. Ф. Кони в период его активной практической работы как судьи и прокурора. Материалы данной статьи могут быть использованы при разработке исследований по истории уголовного процесса России, а также работ по нравственному воспитанию работников юстиции.

НЕСМИЯНОВ Алексей Николаевич

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права
Санкт-Петербургского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Санкт-Петербург)
nesmijanov@yandex.ru

РЫБИН Данил Вячеславович

кандидат исторических наук,
доцент, директор Санкт-
Петербургского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Санкт-Петербург)
danilarybin@rambler.ru

**А. Ф. Кони;
председатель суда;
вопрос факта;
вопрос права;
обер-прокурор;
Сенат;
присяжные заседатели**

Alexey N. NESMIANOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Head of the
Department of Theory and History
of State and Law, St. Petersburg
Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice (St. Petersburg)
nesmijanov@yandex.ru

Danil V. RYBIN

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Director,
St. Petersburg Institute (Branch)
of All-Russian State University
of Justice (St. Petersburg)
danilarybin@rambler.ru

**A. F. Koni;
president of the court;
question of fact;
question of law;
chief prosecutor;
Senate;
jurors**

**PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE WRITINGS
OF ANATOLY FEDOROVICH KONI IN THE LAST QUARTER
OF THE 19TH CENTURY**

The subject of our research is the evolution of the criminal procedural views of the outstanding Russian lawyer Anatoly Fedorovich Koni. Relying on democratic and ethical principles, the famous prosecutor sought a positive modernization of legislation, taking into account the results of the application of the Charter of Criminal Procedure of 1864. Many of his proposals that introduced minor changes to the Charter were adopted and became law. This continued until the end of the 19th century, when Koni was faced with an attempt to eliminate the achievements of the judicial reform of 1864. Ardently protesting against state policy, Anatoly Fyodorovich found himself alone, was deprived of his post of chief prosecutor, and then removed from the Criminal Cassation Department of the Senate. Koni's formation – a scientist-proceduralist and legislator – ended in the 1890s during the work of commissions, which assumed a radical restructuring of the judicial system and judicial procedure of the empire. The purpose of our research was to find out the reasons, conditions and circumstances that contribute to the evolution of a young prosecutor-judge leading to the emergence of a major specialist in the field of criminal justice of the empire. A theoretical scientist grew out of a practical worker in the second quarter of the 19th century. The potential of which was revealed at the beginning of the twentieth century. Given the great influence of Koni's ideas on modern Russian lawyers, his proposals remain relevant in our time. In our work, we consider the unknown and unpublished works of Anatoly Fedorovich in the field of criminal justice of the empire in the second quarter of the 19th century. We strive to determine the sequence of the formation of the famous lawyer, who has gone from a practitioner – a proceduralist to a legal theorist. In addition, we strive to determine the degree of Koni's influence on the change in the criminal procedure legislation of the empire at the end of the 19th century. In preparing the work, the historical method was used (the phenomenon was considered in development) and a systematic approach. In the course of our research, for the first time, unknown works of Koni are introduced into circulation (reports to the Minister of Justice, transcripts of the commissions' work, dissenting opinions submitted by Koni, etc.). The novelty of the work is based on this empirical material. For the first time, the evolution of the lawyer's views on the process is traced in the second half of the 19th century. The main results of the work are to systematize the ideas of A. F. Koni during his active practical work as a judge and prosecutor. The materials of our work can be used in the development of research on the history of the criminal process in Russia, as well as work on the moral education of justice workers.

Уголовный процесс – объект большой любви и интереса А. Ф. Кони. Живя в мире уголовного судопроизводства, прокурор-судья постиг мельчайшие элементы судебных процедур, написал множество работ по процессу. Более того, он участвовал в выработке стандартов в этой сфере, которые оказывают влияние на наш процесс до сего дня. Немудрено, что советские и особенно современные ученые систематически обращались и обращаются к трудам Кони. Мы отметим только некоторые из них.

При жизни Кони его уголовно-процессуальные изыскания редко становились объектом глубоких исследований. Как правило, они рассматривались в контексте его этической теории. Тем не менее, когда в 1924 г. Кони исполнилось 80 лет, прошли торжественные мероприятия, вышел юбилейный сборник. А. А. Жижиленко сделал доклад о Кони как о криминалисте. Жижиленко указывал, что Кони был ученым-практиком, эмпириком и моралистом; ученым – сторонником классической школы права и противником

антропологической школы. Изучению личности преступника Кони придавал большое значение. Жижиленко дал подробный анализ уголовно-правовых и процессуальных воззрений Кони [1, с. 24–39]. Характеристика работ Кони содержалась в восьмитомном сборнике трудов, вышедшем в 1966–1969 гг.

В последние десятилетия интерес к работам Кони усилился [2, с. 263–279]. В 2019 г. вышла интересная статья профессора О. Л. Васильева. Она построена в форме диалога Васильева с А. Ф. Кони о нравственной стороне процесса. По мнению Васильева, все основные проблемы уголовного процесса были вскрыты при А. Ф. Кони, нарушение демократических основ процесса приведет к драматическим последствиям. И, по словам Васильева, эти нарушения произошли и последствия наступили (о современной реформе судопроизводства в России) [3, с. 104–116].

В 2005 г. была защищена диссертация А. В. Шаповалова по правовым взглядам Анатолия Федоровича на судебную реформу [4]. В своей работе автор прибегает к традиционным темам: нравственность в уголовном судопроизводстве, судебная этика, принципы уголовного судопроизводства. Исследуя влияние Кони, исследователь приходит к важным выводам о причинах востребованности Кони в отдельные эпохи. Комплексный набор положительных качеств нашего замечательного юриста имеет способность к неоднократному воскрешению и постоянной востребованности. Проведя серию социологических исследований, Шаповалов старательно доказывает возрастание влияния Кони на правосознание российских юристов. К сожалению, интересное направление изучения наследия Кони не получило дальнейшего продолжения. Шаповалов перестал заниматься трудами нашего героя.

Современные юристы немалое значение отводят анализу общих основ уголовного процесса на основе этической (нравственной) теории Кони. Это работы А. С. Аракелова, Ю. А. Потапова [5, с. 64–70], В. Л. Кудрявцева [6, с. 89–96]. Аракелов и Потапов еще раз перечислили условия, в которых приходится действовать судье: доверие к судье, внутреннее убеждение судьи, судебская независимость, влияние общественного мнения и т.д. Большое внимание уделялось качествам судьи: в их числе следование закону и нравственному долгу, ораторские способности, наблюдательность, справедливость. Заслуживает также внимания публикация, в которой вопросы этики Кони связаны с уголовным процессом [7, с. 33–44].

Труды одного из ведущих специалистов в области уголовного процесса Российской империи Анатолия Федоровича Кони хорошо известны современным российским юристам. Между тем влияние знаменитого российского юриста на уголовное судопроизводство было более значительным, чем это можно

было бы предположить исходя из его опубликованных работ. Кони на протяжении многих лет, находясь на разных постах, вносил проекты изменений в Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС). Большинство из них были приняты высшей властью. Кроме того, в 1890-х–1910-х гг. Кони входил в состав различных государственных комиссий по переработке УУС и выдвигал множество предложений по усовершенствованию законодательства. Ведущие ученые-процессуалисты (И. Я. Фойницкий, Н. Н. Полянский, М. Н. Гернет и пр.) воспринимали его как коллегу и друга. Вместе с Кони они участвовали в работе комиссий, составлении систематических комментариев к УУС, разрабатывали теоретические аспекты уголовного процесса.

Формирование Кони-процессуалиста происходило во второй половине XIX в. Выделить точные этапы профессионального развития вряд ли представляется возможным. Всеми видами теоретической процессуальной деятельностью он занимался одновременно: разработкой законодательных предположений, теоретическими изысканиями, комментированием УУС. Только в разные годы акцент делался на те или иные виды деятельности.

Стоит отметить, что Анатолий Федорович не занимался уголовным процессом систематически (до начала XX в.), а разрешал те или иные правовые вопросы «на злобу дня». Занимая должности прокурора и обер-прокурора, он получал предписания от министра юстиции или сам инициировал разбор или обсуждение тех или иных проблем, относящихся к реализации процессуальных норм. В 1870–1890-е гг. проблемы уголовного процесса, которые волновали Кони, выносились им на обсуждение Юридического общества Санкт-Петербурга.

Одной из первой тем, заинтересовавших Анатолия Федоровича, стала проблема заключительного слова председателя суда. В то время он работал председателем Санкт-Петербургского окружного суда. В 1879 г. он пишет работу «О заключительном слове председателя». Вначале судья делал экскурс по этому вопросу на примере европейских стран. Он отмечал, что значение слова председателя суда зависит от той роли, которая отводится суду присяжных при вынесении приговора. В Англии и США последнее слово судьи (*charge*) имело огромное значение, так как присяжные и по обычаю, и по закону являлись судьями всего обвинения. Вопросы факта и права не разделялись, и «постановки вопроса» не существовало. Присяжные составляли обвинительный акт похожий на краткий приговор (*indictment*). В нем большое жюри излагало то, что совершил подсудимый с указанием на нарушенный закон. Малое жюри своим решением скрепляло мнение большого жюри. Далее судья определял меру наказания.

Присяжные влияли на все аспекты приговора. Поэтому они нуждались в хорошем руководителе, речь председателя была исключительно важна. *Charge* председателя состоял из перечисления доказательств, их оценки, юридической квалификации деяния, указаний на порядок обсуждения дела. В сложных делах *charge* начинался с краткого повторения дела. Теория доказательств в течение веков выработала у английских судей строгую форму *charge*, исключая субъективизм (образцы представляли судьи Мансфельд, Кокс и Поллок). Свое мнение судья не высказывал.

Во Франции судья в заключительном слове (*resume*) указывал присяжным на доказательства «за» или «против» подсудимого, напоминал об их обязанностях и ставил вопросы. В отличие от Англии во Франции судья представлял присяжным итог из собранных им доказательств. Возможности судьи были велики – он давал личную оценку доводов обвинения, сам мог указать на обстоятельства, увеличивающие вину обвиняемого, объяснял присяжным последствия, вынесенного ими решения. Судья выступал как участник процесса – сам привлекая свидетелей, собирая свои доказательства и пр. В итоге его *resume* было субъективно. Присяжные являлись только судьями факта.

В Германии по УУС 1877 г. присяжные имели широкие полномочия. Они участвовали в постановке вопросов. Председатель суда был обязан, не вдаваясь в оценку доказательств, делать присяжным наставление о правовых точках зрения, которые при разрешении вопроса они должны были принять во внимание (*belehrung*). Ограниченный наставлением, он должен был сделать его безупречным. Как следствие, документ превращался в сухой формальный текст.

В России присяжные решали вопрос о виновности лица, устанавливали факт совершения деяния, а также является ли оно преступным. Судья указывал на применимое положительное право, истолковывал норму законодателя и помогал примерить его к деянию. Затруднительно было ввести слово в определенные рамки. Слово должно было разъяснять вопросы, но не служить их основанием. По ст. 801 УУС председатель объяснял существенные обстоятельства дела, законы по данному деянию, общие юридические основания.

Заключительное слово председателя имело большое значение. Он разъяснял присяжным смысл и цель закона, представлял дело в сжатом виде, уходил от частных к общим основам права и морали, определял систему при рассмотрении сложных дел, помогал оценивать доказательства на основе общего опыта, разрешал спорные вопросы о составе преступления и давал руководящие начала при разрешении уголовных вопросов, разъяснял постанов-

ленные судом вопросы. Есть «искусственный центр тяжести», который заключался в основной сущности деяния. Стороны пытались сместить этот центр, выпячивая второстепенные данные. Уголовная перспектива извращалась.

Заключительное слово председателя должно было включать: объяснение существенных обстоятельств дела, разбор составных элементов карательного закона, подходящих к конкретному делу (здесь Кони перечислял элементы состава преступления), общие юридические основания для суждения о силе доказательств (под этим Кони понимал теорию доказательств). Далее он останавливался на условиях правильного влияния последнего слова. Присяжные заседатели (далее – ПЗ) должны были услышать от председателя суда общие данные и юридические основания по делу. Председатель, таким образом, ставил ПЗ в определенные рамки. Любые сомнения трактовались в пользу обвиняемого. Председатель должен перед присяжными восстановить все существенные обстоятельства дела. При этом он не должен был приводить обстоятельства, не входящие в судебное заседание, не должен был высказывать свое мнение (ст. 802–804 УУС) (но высказывание своего взгляда как совета юриста Кони допускал), должен был укреплять решимость присяжных действовать по закону, указывать им на возможность снисхождения к обвиняемому.

Излагая все эти соображения, Кони фактически формировал теорию российского правосудия с участием ПЗ [8, л.14-22].

В 1885 г. молодой юрист стал обер-прокурором Сената. На новой должности он стал получать из Министерства юстиции многочисленные запросы о порядке применения тех или иных норм уголовно-процессуального законодательства. Например, в 1886 г. поступил запрос о применении ст. 518, 528, 528-1 и 528-2 УУС (изд. 1883 г.) [9, л.5-7].

Вскоре новый запрос от министра (в 1886 г.) предлагал обер-прокурору дать заключение о применении ст. 769 УУС (об оценке голосования ПЗ). Аналогичная статья в Уставе гражданского судопроизводства (далее – УГС) имела номер 699. В гражданском процессе суд был поставлен в рамки выбора только из двух вариантов. Иное дело в УУС: гражданский суд преследовал истину формальную, а суд уголовный добивался истины материальной. В уголовном процессе было возможно многообразное разногласие. Статья 769 обеспечивала судье свободное выражение своего мнения. Статья соответствовала понятию о роли уголовного судьи.

Как и в гражданском деликте, данные о событии преступления и степени виновности преступника могли быть разрешены или положительно, или отрицательно. Многоголосие могло возникнуть лишь

при вопросах о квалификации деяния подсудимого и о мере наказания. По точному смыслу ст. 769 УУС во всех случаях разногласия вопросы решались по большинству всех членов коллегии, в вопросах права – по большинству голосов, разрешивших вопросы факта утвердительно.

Плохое применение статьи было возможно только в случае неумной или необдуманной постановки вопросов по делу. Потенциально могла возникнуть ситуация, что, например, из 15 членов коллегии ПЗ девять признавали подсудимого виновным. Из них трое признавали разбой, трое – грабеж и трое – самоуправство с употреблением насилия. Наконец, из этих троих за самоуправство один предлагал три месяца ареста, второй – два месяца и третий – один месяц. Подсудимый и должен быть приговорен к одному месяцу за самоуправство. Чтобы избежать беспорядка, надо строго отделять вопросы факта и вопросы права, настаивал Кони [10, л.1-7].

На должности обер-прокурора Уголовно-кассационного департамента Сената Анатолий Федорович столкнулся с рядом процессуальных несуразностей. По предложению министра юстиции он подготовил ряд замечаний по изменению законодательства. В том числе в августе 1886 г. был составлен обширный рапорт по изменению ст. 920–922 УУС. Можно сказать, что это общий анализ сущности прокурорской деятельности в России. Кони отмечал, что прокурор «вращается» в пределах трех родов деятельности: обвинение, блюститель закона и истолкователь закона. Она (деятельность) заключалась, как можно догадаться по Кони, в трех основных аспектах: наблюдение за точным и единообразным применением закона, обнаружение и преследование перед судом всякого нарушения законного порядка, предложение суду предварительного заключения по уголовным и гражданским делам. Прокурор связан законом. Он не может требовать проведения следствия без законного основания (ст. 312 УУС), не должен настаивать на предании дела суду без достаточных данных (ст. 510 УУС), обязан отказаться от обвинения на суде, если оправдания обвиняемого уважительны (ст. 740 УУС). Прокурор как блюститель закона дает заключение на материалы следствия.

Деятельность прокурора четко разделяется на ту, где он объясняет, как надлежит рассматривать дело (ст. 179, 343 УГС, ст. 1128 УУС), и на ту, в которой он показывает, правильно ли оно разрешено с формальной стороны (кассационные дела по ст. 189, 193, 804 УГС). Необходимо четко различать обязанности прокурора как обвинителя и как блюстителя закона. Прокурор-обвинитель – сторона в уголовном процессе, равная подсудимому и его защитнику, с которыми он состязается. Прокурор – блюститель закона в состязание не вступает, председателю суда не под-

чиняется (ст. 619 УУС). Также прокурор не является стороной процесса, когда дает заключения на материалы следователя. Это заключение может содержать в себе объяснение, как, по его мнению, должно быть разрешено дело или правильно ли оно разрешено с формальной стороны. Эти разные виды заключения точно разведены законом по отдельным видам прокурорской деятельности.

Прокурор, предъявляющий заключение в кассационном порядке, не преследует цели обвинения. Здесь прокурор ограничен, так как указывает только на формальное нарушение закона при рассмотрении дела в первой инстанции. В то же время кассационное заключение обобщает спорные вопросы, вырабатывая образец для будущих прокуроров. Это заключение исключает любую спорность. Также «спокойствием» должно быть проникнуто заключение надзора по существу дела (ст. 179, 343 УГС, ст. 166 УУС).

Кони призывал прокуроров следовать высоким стандартам права. Так, они могут дать заключение только тогда, когда выяснены все обстоятельства по делу. Согласно УГС товарищ прокурора дает заключение в съезде мировых судей только по окончании состязаний между тяжущимися (ст. 179), прокурор излагает свое заключение в общих судах после доклада и словесного состязания сторон (ст. 345), в Сенате выслушивание заключения обер-прокурора раньше объяснений тяжущихся являлось поводом к отмене решения.

Тут обнаруживалось расхождение между УГС и УУС. В УГС действовал единый порядок во всех судах, в УУС же порядок предъявления заключения совершенно отличался (ст. 920–922 УУС). Лица, участвующие в деле, допускались к обсуждению только после заключения прокурора. Но этот порядок не соблюдался. Прокурор был поставлен в такие условия, что должен был добиваться отклонения всякой кассационной жалобы и добиваться утверждения всякого кассационного протеста. Дискуссия о том, когда обер-прокурор может давать свое заключение, разгорелась накануне реформы в 1863 г. Шесть членов комиссии по разработке судебных уставов указывали на роль прокурора в кассационном процессе: кто он – обвинитель или защитник подсудимого? Если обвинитель, то должен высказать свои соображения до постановки вопросов. Заключение – это ответ на вопрос. Кони констатировал, что обязанности обвинителя уже выполнены прокурорами в предыдущих инстанциях. В кассационной инстанции обвинителю делать нечего, наступает время блюстителя закона.

Порядок, предусмотренный ст. 920, 921 УУС, противоречил задачам обер-прокурора в Правительствующем Сенате (далее – ПС). Существующий порядок придавал обер-прокурору характер обвинительной

власти в кассационном процессе. При этом в гражданском процессе он выступал как блюститель закона. Установливалась противоестественная разница между низшими и высшими прокурорами. Кони предлагал ввести систему, аналогичную французскому Кассационному суду, и изменить ст. 920–922 УУС. После изложения дела первоприсутствующий в Сенате предлагал тяжущимся представить свои объяснения, если они захотят. После представления объяснений обер-прокурор давал заключение по делу [11, л.1-11]. Проект изменений кассационного порядка пересмотра дел в Уголовно-кассационном департаменте (далее – УКД) Сената был принят и утвержден в виде закона Государственным Советом Российской империи 22 декабря 1886 г. и императором 16 февраля 1887 г.

Одновременно Анатолий Федорович составил в июле 1886 г. новый рапорт для министра юстиции, в котором обосновывал необходимость удлинения срока обжалования приговоров съездов мировых судей.

Статья 181 УУС предполагала введение приговоров мировых судов в силу в течение суток после их объявления. При этом на мировой съезд стороны не вызывались. Как следствие, многие участники процесса оказывались лишены возможности обжаловать приговор. Предполагалось, что участники процесса будут заранее извещены о времени и месте проведения съездов. Однако неопределенные формулировки закона привели к тому, что объявления о съезде мировых судей стали печататься редко и нерегулярно. 90% жителей мировых округов о съезде ничего не могли узнать. Кроме того, жители не могли быть уверены, что их дело будет рассматриваться в указанный день. В отдельных уездах из-за огромных расстояний участники процесса просто не успевали на съезд. Также краткие сроки препятствовали участникам процесса провести консультации со специалистами.

Указанный срок порождал нарушение прав участников процесса. За 20 лет в Империи непрерывно рос поток жалоб на отказ в принятии кассационных жалоб за несвоевременное заявление недовольствия на приговоры (в 1884 и 1885 гг. поступило 126 жалоб в Сенат). УКД старался облегчить положение участников процесса. По его решениям заявления недовольствия стали заносить в специальный протокол, его стало можно посылать по почте в течение суток. То же правило вскоре распространили на телеграммы. Все эти меры, по мнению обер-прокурора, были мелкими и недостаточными. Что же предлагал Кони? Выводы его были неожиданными – надо просто упразднить ч. 1 ст. 181 УУС, т.е. вовсе отменить право заявлять недовольствие на приговоры [12, л.1-8].

Вообще, за период обер-прокурорской работы Кони в УКД Сената неоднократно, в том числе по его

предложению, вносились изменения в УУС. В частности, был изменен порядок постановления суда с участием ПЗ (1889 г.); изъяты отдельные дела из ведения судебных палат (1886 г.); приняты меры к упрощению, ускорению и удешевлению уголовного судопроизводства (1886, 1888, 1891 гг.); ограничена публичность судебных заседаний (1887 г.); заново перераспределены предметы ведения Общего собрания и Соединенного присутствия 1-го и кассационных департаментов (1885 г.); изменены правила относительно привода ПЗ к присяге (1894 г.) [13, л.14-20].

В 1893 г. министр юстиции Н. А. Манасеин выдвинул проект реформирования Сената и процессуального права в высшем суде страны. План включал одновременно и расширение, и сужение прав Сената. По мнению министра, Сенат был ограничен при рассмотрении подведомственных ему дел, не имел достаточных полномочий при воздействии на нижестоящие суды, генерал-прокурор не имел права надзора за Сенатом.

Манасеин предполагал ввести в Сенате в завуалированной форме апелляционный порядок пересмотра дел, порядок пересмотра дел, рассмотренных в кассационных департаментах Сената, передачу дел, пересмотренных в кассационном порядке, в те суды, которые постановили обжалованные решение или приговор, предоставить УКД право передавать дело, рассмотренное судом ПЗ, в новый суд ПЗ, ввести право генерал-прокурора обжаловать решения кассационных департаментов Сената в Общее собрание Сената, передать разрешение кассационных жалоб и протестов на приговоры или решения мировых съездов в судебные палаты (Сенат был перегружен мелкими делами, поступающими из мировой юстиции).

По предложению министра было создано 10 марта 1893 г. Особое совещание во главе со Стояновским. В него включили несколько сенаторов и прочих лиц. Но обер-прокуроры УКД и ГКД, как ни странно, в состав совещания не попали. Возможно, Манасеин предвидел, что Кони будет возражать против ряда мер, предлагаемых министром. Тем не менее по предложению императора обер-прокуроры присутствовали на заседаниях Особого совещания. Особое совещание, заседавшее весной 1893 г., указало, что вопросы министра затрагивают отдельные элементы процесса, а в реформе нуждается вся система процесса и судостроительства. Таким образом, предложение министра спровоцировало реформу органов юстиции и судопроизводства. Особенно активно на реформе настаивал государственный секретарь, бывший обер-прокурор УКД Муравьев, который зарекомендовал себя перед императором и стал новым министром юстиции. Фактически совещание отвергло в мягкой форме большинство предложений Манасеина. Обсуждение

проекта министра в других органах власти, а также в самом Сенате также встретило массу возражений [14, л.56-86, 189-196].

Например, большой доклад подготовил сенатор П. Марков с категорическими возражениями. Он указал, что в записке министра упоминалось, что кассационные департаменты работали хорошо. Отзывов от самих департаментов на проект не было. Недостатки высших органов юстиции не были исследованы. Муравьев (в тот момент государственный секретарь) в целом также был против проекта, так как непонятно, во что превратились бы судебные функции Сената, если бы пришлось убрать кассацию. Все было бы перемешано. Вообще, сенаторы указывали, что получилось много мелких вопросов и предложений. При этом не было системного подхода, в отличие от того порядка, который был во время судебной реформы. Во многих случаях мотивировки для принятия решений просто не было [15, л.10-21, 34, 40].

29 ноября 1893 г. и 17 января 1894 г. в распорядительных заседаниях УКД заслушивался проект министра. Докладчиком выступал Таганцев, а Кони давал свое заключение. Была составлена обширная аналитическая записка. Первое, на что обратили внимание докладчики и в целом УКД, – это бессмысленность частичных переделок без пересмотра Устава в целом. Таганцев и Кони задавались вопросом: расширяя кассационные права УКД, не превращает ли министр кассацию в апелляцию? Нельзя было превращать Сенат в апелляционную инстанцию – это привело бы к крайнему перенапряжению судебной системы России. УКД, выпуская свои определения, и так выявлял нарушения в ходе рассмотрения дел в коронных судах. Передача дела в тот же суд может быть применена только к съездам мировых судей, так как в окружных судах и судебных палатах она предусмотрена УУС. Докладчики признавали, что можно расширить применение прокурорских протестов на акты судебных палат.

Проведя тщательный анализ судебной практики ПЗ, участники совещания единодушно высказались против наделения Сената правом передачи разрешенных дел новому составу ПЗ. Это подорвало бы идею независимого суда ПЗ, чрезмерно обременило бы Сенат, которому бы пришлось просматривать тысячи дел, рассмотренных ПЗ. Возражения вызвали планы Манасеина по пересмотру решений/приговоров кассационных департаментов Сената. Департаменты – это столп и конечная стадия законности. Почему им нельзя доверять? Искусным образом, попытку генерал-прокурора получить право надзора над актами департаментов, сенаторы преподнесли как покушение на самую императорскую власть. Сенаторы, защищая свой департамент, указывали, что опротестование приговоров УКД в общее собрание

не приведет к положительному результату. Почему Общее собрание должно быть более компетентным, чем сенаторы-криминалисты? В конечном счете материалы особого совещания были переданы в новообразованную муравьевскую комиссию [14, л.220-239].

Новый министр юстиции Муравьев приступил к исполнению своих обязанностей с обязательством провести кардинальный пересмотр судебной системы Империи. 7 апреля 1894 г. была образована комиссия для пересмотра законоположений по судебной части (председатель – министр юстиции Муравьев и позже заменяющий его товарищ министра юстиции П. М. Бутовский). В состав комиссии вошли 23 профессиональных юриста и ученых, в том числе Кони. Комиссия проработала более пяти лет, и ее состав неоднократно изменялся. Комиссия на своем первом заседании 30 апреля сформировала четыре отдела: местных судебных установлений, судоустройства, уголовного судопроизводства, гражданского судопроизводства. В состав 3-го отдела (уголовное судопроизводство) вошли: А. Ф. Кони, М. Ф. Люце (член консультации Минюста, затем сенатор), В. К. Случевский (сенатор), В. Н. Семенов (член консультации Минюста) и Н. Д. Чаплин (член консультации, сменивший Люце). Возглавил комиссию Таганцев (сенатор). При таком составе комиссии в ней доминировали Таганцев и Кони. Фактически они и отвечали за реформу уголовного судопроизводства в Империи. Кроме того, был создан 5-й отдел комиссии для согласования вопросов между отделами во главе с Бутовским. В ее состав также вошел Кони, который активно участвовал в работе отдела. Позже он был слит с 1-м отделом. Комиссия, утверждая общие изменения, вносимые в законодательные акты 62 раза, собиралась на общие заседания. Третий отдел работал очень интенсивно и привлекал множество специалистов в сфере уголовного процесса, в том числе близких друзей Кони, в их числе: К. К. Арсеньев (присяжный поверенный), В. М. Володимиров (профессор), А. К. Вульфсон (профессор), В. Ф. Дейтрих (прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты), М. В. Духовский (профессор), В. И. Лихачев (сенатор), А. Н. Познанский (будущий профессор), В. Д. Спасович (присяжный поверенный), И. Я. Фойницкий (сенатор), И. Г. Щегловитов (будущий министр юстиции), С. Э. Зволянский (директор департамента полиции) и прочие лица [16, л.1-7].

Большой план работы комиссии включал в себя раздел по реформе уголовного судопроизводства, в том числе предполагалось улучшение следственной части, изменение кассационного порядка рассмотрения дел, изменение порядка обвинительного производства и вообще многих разделов уголовного процесса. Особое беспокойство у обер-прокурора УКД вызвали пункты плана, которые предусматри-

вали «упрощение и облегчение судебных порядков», ускорение судопроизводства, «порядок рассмотрения и разрешения исключительных судебных дел, вызывающих выражение по ним монаршей воли» (предполагалось сформировать политическую юстицию), упрощение порядка производства по делам о полицейских правонарушениях, изменение порядка возобновления уголовных дел [17, л.1-2].

Всего за пять лет 3-й отдел провел 111 заседаний. Весной 1899 г. работа всех отделов была закончена. 5 июня состоялось последнее заседание комиссии. Члены комиссии находились под давлением со стороны министра Муравьева, который продвигал идеи, ведущие к существенному пересмотру судебных уставов Александра II. В уголовном процессе это должно было проявиться в частичном или полном возвращении судебного следствия в полицию в форме дознания, в замене апелляционного процесса на кассационный, а также во всяких сокращениях и упрощениях.

Кони воспринимал такие планы болезненно и категорически против них возражал. Ему сочувствовали Таганцев и другие члены отдела, но они следовали в русле, заданном министром. Максимум, что могли сделать члены отдела, – разработать проект изменений в УУС, который смягчал радикальные планы Муравьева. На общих собраниях Кони подал несколько особых мнений, настаивая на своей точке зрения. Его особое мнение по апелляционному процессу касалось ст. 831 и 1140 УУС. Апелляционный пересмотр позволял всесторонне рассмотреть дело независимо от местного влияния. Кроме того, некоторые сложные дела даже целесообразно было пересматривать в высшей инстанции. С кассационной точки зрения документы могут быть безупречными, а с апелляционной – сущность дела может быть рассмотрена неверно. Кроме того, угроза апелляционного пересмотра дисциплинировала судей окружных судов.

Также Кони с тревогой отмечал существенное расширение подсудности, при которой исключался суд ПЗ. Он возражал против введения всего двух заседателей, осуществляющих судопроизводство наряду с коронным судьей. Выступая против расширения полицейского дознания за счет судебного следствия, Кони отмечал, что это противоречит основным идеям Судебных уставов 1864 г. Юридический опыт следователей невозможно заменить усердием полиции. Кони составил много возражений на проект реформы судостройства и уголовного права.

Кони оказался в одиночестве, потерпел кадровое падение. Возражения и поправки сенатора даже не внесли в итоговый протокол комиссии. Материалы комиссии он не подписал, в торжественном закрытии работы комиссии не участвовал, в отличие от других членов комиссии награды не получил. Его твердая позиция по сохранению демократических основ уголовного процесса способствовала росту популярности сенатора в глазах образованных жителей Империи. В тот момент Кони превращается в политическую фигуру в Империи [16, л.7-10, 59; 18, л.4-11, 14-15].

Не дожидаясь полного утверждения изменений, вносимых в Судебные уставы, Муравьев инициировал принятие небольших законов, соответствовавших планам правительства по упрощению судопроизводства в стране. В их числе упорядочение вызова свидетелей по уголовным делам для упрощения и ускорения судебного их рассмотрения (18 марта 1896 г.), возложение производства местных судебных действий на мировых судей в целях удешевления суда (23 декабря 1896 г.) и пр. [14, л.121, 122]. Проект муравьевских реформ поступил в Государственный Совет и там увяз в бесконечных согласованиях и рассмотрениях. Первая русская революция его окончательно похоронила.

На протяжении четверти века молодой прокурор А. Ф. Кони превратился в зрелого сенатора, обладающего обширными знаниями в области криминалистики и уголовного процесса. Обер-прокурор принимал активное участие в разрешении отдельных процессуальных трудностей, возникающих при применении Устава уголовного судопроизводства Империи. Из этих мелочей (заключительное слово председателя суда, заключение прокурора в Сенате, оценка приговора ПЗ, изменение срока обжалования приговоров в мировом суде и пр.) выростал опыт прокурора-законодателя. Этот опыт Кони мог бы реализовать в муравьевских комиссиях конца XIX в. Общая установка в работе этих комиссий, предполагавшая судебную контрреформу, вызвала неприятие у Анатолия Федоровича. Его карьера вновь на короткий срок резко оборвалась. В то же время его авторитет в либеральных кругах, напротив, резко вырос. Накопленный Кони политический капитал был им реализован после 1906 г. в период государственных реформ, охвативших Империю после первой русской революции.

Пристатейный библиографический список

1. Жижиленко А. А. А. Ф. Кони как криминалист / Кони А. Ф. 1844–1924. Юбилейный сборник. Л. : Атеней, 1935.
2. Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В. Российская и советская историография правовой деятельности Анатолия Федоровича Кони в конце XIX–XX вв. // Вопросы истории. 2020. № 11-1.
3. Васильев О. Л. Мысли А. Ф. Кони о нравственных началах уголовного процесса: исторический анахронизм или ориентир для реформ? // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2019. № 2.
4. Шаповалов А. В. Правовые взгляды А. Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.
5. Аракелов А. С., Потанов Ю. А. Нравственно-правовые аспекты судопроизводства в творчестве А. Ф. Кони // Ученые записки Института управления и экономики. 2005. № 2 (12).
6. Кудрявцев В. Л. Идеи А. Ф. Кони о нравственной составляющей в деятельности прокурора в суде через призму современного законодательства и правоприменения // Юридическая наука : история и современность. 2018. № 8.
7. Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В., Штыкова Н. Н. Анатолий Федорович Кони – один из основателей практической этики (деонтологии) в России // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 2.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 24.
9. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1363. Оп. 8. Д. 195.
10. РГИА. Ф. 1363. Оп. 8, Д. 201.
11. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 541.
12. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 539.
13. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1330.
14. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 124.
15. РГИА. Ф. 1226. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 668.
17. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 679.
18. ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667.

References

1. Zhizhilenko A. A. A. F. Koni as a Criminalist. In *Koni A. F. 1844–1924. Jubilee Collection*. St. Petersburg: Atenei, 1935.
2. Kodintsev A. Ia., Rybin D. V. Russian and Soviet Historiography of the Legal Activities of Anatoly Fedorovich Koni at the End of the 19th–20th Centuries. *Questions of History*. 2020. No. 11-1.
3. Vasiliev O. L. The Thoughts of A. F. Koni on the Moral Principles of the Criminal Process: Historical Anachronism or a Guideline for Reforms? *Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*. 2019. No. 2.
4. Shapovalov A. V. The Legal Views of A. F. Koni and Their Influence on the Ongoing Judicial and Legal Reform in Russia: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnodar, 2005.
5. Arakelov A. S., Potapov Yu. A. Moral and Legal Aspects of Legal Proceedings in the Works of A. F. Koni. *Scientific Notes of the Institute of Management and Economics*. 2005. No. 2 (12).
6. Kudriavtsev V. L. The Ideas of A. F. Koni on the Moral Component in the Activities of the Prosecutor in Court Through the Prism of Modern Legislation and Law Enforcement. *Legal Science: History and Modernity*. 2018. No. 8.
7. Kodintsev A. Ia., Rybin D. V., Shtykova N. N. Anatoly Fedorovich Koni as One of the Founders of Practical Ethics (Deontology) in Russia. *Law Enforcement*. 2021. Vol. 5. No. 2.
8. State Archives of the Russian Federation. F. 564. Op. 1. D. 24.
9. Russian State Historical Archives. F. 1363. Op. 8. D. 195.
10. Russian State Historical Archives. F. 1363. Op. 8. D. 201.
11. Russian State Historical Archives. F. 564. Op. 1. D. 541.
12. Russian State Historical Archives. F. 564. Op. 1. D. 539.
13. Russian State Historical Archives. F. 1405. Op. 542. D. 1330.
14. Russian State Historical Archives. F. 1405. Op. 542. D. 124.
15. Russian State Historical Archives. F. 1226. Op. 1. D. 1.
16. State Archives of the Russian Federation. F. 564. Op. 1. D. 668.
17. State Archives of the Russian Federation. F. 564. Op. 1. D. 679.
18. State Archives of the Russian Federation. F. 564. Op. 1. D. 667.